

6. Гончарная мастерская ждет гостей // Сельская новь. Газета Шеба-линского района 28.12.10.

7. Круглый стол для предпринимателей // Сельская новь. Газета Шеба-линского района. № 36 (26240) 22.03.11.

8. Чевалков М.П., Маточкин Е.П., Эдоков А.В. Мирослав Чевалков. Об-разы древнего Алтая. Горно-Алтайск, 2006.

9. Эдоков А.В. Декоративно-прикладное искусство Алтая. Горно-Алтайск, 2006.

О. А. Смирнова

г. Оренбург

ПРОЦЕСС ОСМЫСЛЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРНО-ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ТРАДИЦИИ В XIX–НАЧАЛЕ XX ВЕКА КАК ПРЕДМЕТ СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

С XIX в. для России главной и даже, в известном смысле, доминирующей стала проблема путей развития производства, производственной традиции в аграрной и промышленной сферах деятельности. Промышленный переворот, индустриализация влекли за собой серьезные социокультурные изменения. Существенную трансформацию претерпевала социальная структура населения, менялся облик миграции, значительно преобразовывалась и сфера занятости. Россия из страны аграрной постепенно превращалась в страну аграрно-индустриальную.

Перед глазами современников разворачивалась широкая картина технического прогресса и промышленного роста: прокладывались тысячи километров железных дорог, пускались рельсопрокатные, вагоно- и машиностроительные заводы, набирали темпы каменноугольные, металлургические и нефтяные разработки, поднимались опоры мостов Р.А. Белелюбского, строились ажурные башни радиовещания В.Г. Шухова, возводились здания фабрично-заводских дворцов, соперничающих с дворянскими усадьбами. Не уступали в темпах роста и национальные отрасли производственной деятельности, последовательно переходившие от мануфактуры к фабрике. В их ряду хлопчатобумажная, льняная, шерстяная и шелковая промышленность, хлопкоочистительное, красильное, набивное и отделочное производства, предприятия, вырабатывавшие машины и аппараты для мануфактур и сельскохозяйственных работ, а также товары широкого потребления: от народных музыкальных инструментов до предметов одежды и утвари – романовские валенки, кимрские сапоги, ивановские ситцы, павловопосадские плат-

ки, оренбургские пуховые шали, кузнецовский фарфор, гусевский хрусталь. Одновременно развивались художественные промыслы – гжель, хохлома, палех, финифть, скань и многое другое.

На этом фоне российское общество постепенно втягивалось в полемические споры по вопросу быть или не быть России индустриальной державой, приобщаться ли ей к сомнительным, по мнению многих, благам капиталистической цивилизации. Обсуждение этих вопросов разворачивалось как на уровне повседневно-бытовых суждений, так и теоретических построений. Если первые в основном ориентировались на представления о традиционных формах жизнедеятельности российского социума, то вторые, с одной стороны, были связаны с западноевропейскими доктринами социального индивидуализма и марксизмом, а с другой – опытами научного анализа специфики отечественного культурно-исторического типа, осуществлявшихся на базе славянофильства и почвенничества, а также философско-религиозного ренессанса рубежа XIX–XX вв.

В ходе общественной полемики отчетливо проявилась самобытность российского понимания хозяйственных отношений, в частности, выразившаяся в стремлении определить *должную* с традиционной точки зрения модель экономического развития. Участникам дискуссии настоящее, как правило, представлялось несовершенным, и они пытались постичь, каким оно должно быть в соответствии с нравственным законом, нравственной нормой, нравственным долженствованием. Говоря словами Н.И. Кареева, в российских мыслителях всегда жило «две души: одна душа стремилась к познанию того, *что есть*, как она есть... другая душа стремилась выработать себе идею о том, что *должно быть*, и эта идея нужна этой другой душе не для того, чтобы познавать, а для того, чтобы разумно жить» [4, с. 119]. Таким образом, осмысление путей социально-экономического развития России разворачивалось не столько в плоскости абстрактно-теоретических исканий, сколько в контексте практически-прикладных размышлений о разумном хозяйственном обустройстве страны.

Соприкосновение с реалиями новых социально-экономических отношений побудило отечественных мыслителей к освоению объяснительных моделей их генезиса и развития. Однако большинство популярных в то время экономических теорий – от смитианства до марксизма – многим представлялись не вполне удовлетворительными, о чем со всей отчетливостью заявлялось в бурных дискуссиях по поводу их познавательного потенциала и практического значения. В ходе этих дебатов опровергался те-

зис об экономике как некоей самодовлеющей силе, первичной по отношению к человеку. Подчеркивалось, что она является лишь поприщем для применения единого нравственного закона, поскольку никакая экономическая необходимость не помешает человеку подчинить материальные соображения нравственным нормам.

Этот тезис наиболее последовательно отстаивался представителями народничества и христианского социализма. Они выражали убежденность в том, что основным показателем *должного* положения дел в экономике являются не столько количественные характеристики ее роста, сколько соответствие общего направления ее развития нравственной норме, которая, не создавая факторов и элементов производства, указывает, как поступать с уже имеющимися [2, 5, 7, 9, 11]. Свою точку зрения на желательную (*должную*) организацию хозяйственной деятельности они выразили в следующих положениях.

Во-первых, экономика – не обособленная сфера отношений, а один из компонентов культуры, являющейся «агрегатом всеобщих социальных ценностей», в которой хозяйствующий субъект – не homo economicus, а носитель духовно-нравственных начал.

Во-вторых, экономическая деятельность – одна из форм существования человека, которой *должно* находиться в состоянии подчиненности субъекту, а не господства над ним: *не должно* «ставить Мамона на место Бога» и признавать вещественное богатство самостоятельным благом и конечной жизненной целью.

В-третьих, *не должно* оценивать человека дешевле бездушной вещи, превращать его в орудие хозяйственного процесса и позволять, чтобы производство совершалось «на счет его достоинства». Необходимо (*должно*) добиваться того, чтобы каждый имел «некоторый minimum благосостояния» для достойного существования и развития.

В-четвертых, человек как хозяйственный деятель обязан нести ответственность относительно данной в его распоряжение земли-природы. *Должно* не злоупотреблять ею, не истощать и не разрушать ее, а обрабатывать, возделывать, улучшать, т.е. «вводить в большую силу и полноту бытия», т.к. не только люди, но и материальная природа не должна быть лишь орудием (средством) экономической эксплуатации, а лишь целью обогащающего (возвышающего) воздействия.

Долженствующим быть признавалось только такое положение дел в хозяйстве, которое, согласуясь с фундаментальными нравственными импе-

ративами, своей целью имеет не подавление человека, а его духовное развитие, не механическую эксплуатацию окружающей среды, а создание условий для всестороннего раскрытия ее внутренних возможностей. Подчеркивалось, что человек, всецело поглощенный материальной работой, если не знает полного одичания, то уже не может заниматься деятельным осуществлением своего высшего человеческого назначения, состоящего в непрерывном духовном восхождении.

В ходе дебатов указывалось, что западноевропейский путь не только противоречит нормам общечеловеческих ценностей, но и то, что он не согласуется со спецификой хозяйственного опыта конкретного народа. В итоге была поставлена задача постижения специфики российской культурно-производственной традиции и выработки национальной социально-экономической доктрины.

Аллегорически духовно-теоретические искания русского общества в XIX в. были представлены В.С. Соловьевым в статье «Тайна прогресса». Текст этой работы, опубликованной в 1898 г., начинался незамысловатой сказкой, повествующей о том, как в лесу заблудился отчаявшийся в жизни охотник и как повстречалась ему древняя старушка, попросившая перенести ее на другой берег реки, где находится счастливая сторона. Не хотелось охотнику нести на себе отвратительную старуху, но сжалился он над древностью лет и выполнил ее просьбу. Хотя ноша была тяжела и неприятна, но, выйдя на другом берегу, он обнаружил, что пришел в удивительный край и что за плечами у него не старуха, а красавица-девица. И с тех пор жизнь охотника наладилась, он больше уже не плутал по лесным тропам и не испытывал отчаяния.

В этом нехитром повествовании Соловьев увидел глубокий духовный смысл. Он писал: «Современный человек в охоте за беглыми, минутными благами... потерял правый путь жизни. Перед ним темный и неудержимый поток жизни... Тоска и одиночество, а впереди – мрак и гибель. Но за ним стоит священная старина предания – о! в каких непривлекательных формах – но что же из этого? Пусть он только подумает о том, чем он ей обязан; пусть внутренним сердечным движением почтит ее седину, пусть пожалеет о ее немощах, пусть постыдится отвергнуть ее из-за этой видимости. Вместо того чтобы праздно высматривать призрачных фей за облаками, пусть он потрудится перенести это священное бремя прошедшего через действительный поток истории». Иначе говоря, человек, стремящийся в будущее, не должен забывать своей традиции. Сберегая ее, он претворит мечты и не

затеряется в жизненном потоке. «Спасаящий спасется. Вот тайна прогресса – другой нет и не будет», – резюмировал В. С. Соловьев [10, с. 557].

Так, на рубеже XIX–XX вв. перед отечественной общественной мыслью встал вопрос, как совместить идею прогресса с сохранением национальной традиции, как в условиях меняющегося мира, с одной стороны, не отстать, а с другой – не утратить российской самобытности.

Общественная полемика о путях социально-экономического развития России и опыте отечественной культурно-производственной традиции, развернувшейся в XIX – начале XX в., относится к одной из активно исследуемых проблем. Соответствующий историографический дискурс восходит к трудам М.В. Довнар-Запольского, Р.В. Иванова-Разумника, М.М. Ковалевского, А.Н. Пыпина, В.В. Святловского, А.М. Скабичевского и ряда других исследователей. Именно они были в числе первых, кто попытался на базе различных политических платформ – от либерально-демократических до народно-социалистических – проанализировать феномен этой полемики и дать обзор социально-экономических предпочтений, имевших место в российском обществе в XIX–начале XX вв.

Широкое исследование проблематики пришлось на советское время, в рамках которого прослеживаются следующие этапы: 1) 1920-е – начало 1950-х гг.; 2) конец 1950-х – 1970-е гг.; 3) 1980-е – начало 1990-х гг. Первый этап наряду с публикацией трудов, подготовленных еще до революции, был отмечен изданием работ, связанных с утверждением монопольного положения марксистской теории в организации познавательной деятельности. При разработке проблемы историки-марксисты были сосредоточены на изучении полемики своих идейных предшественников с народниками при исключительном внимании к позиции В.И. Ленина, труды которого воспринимались в качестве методологического и историографического фундамента изучения проблемы.

Конец 1950-х – 1970-е гг. характеризуются расширением круга анализируемых вопросов, а также введением в научный оборот новых источников, что было обусловлено частичным открытием ряда ранее недоступных архивных фондов, материалы которых освещали деятельность оппозиционных большевизму общественно-политических объединений и их лидеров. Однако строгое следование в русле марксистско-ленинской методологии вело к восприятию немарксистских течений общественной мысли либо незрелыми, либо лженаучными. Как правило, они подвергались разбору с точки зрения критики содержащихся в них «заблуждений». В итоге все

сводилось, как годы спустя отмечалось в одном из историографических обзоров, «к гиперкритике, если речь шла о немарксистских концепциях, и к панегиризму в отношении к концепциям, связанным с господствовавшей идеологией (марксистской. – *О.С.*)», когда непосредственная реальность выпадала из исследовательского поля зрения [3, с. 6]. Результатом сложившейся ситуации стало нарастание понимания, что в науке отсутствует адекватное знание о характере осуществлявшегося российской общественностью в XIX – начале XX вв. анализе современных ей хозяйственных реалий.

В 1980-х – начале 1990-х гг. появившаяся неудовлетворенность результатами научного поиска привела к становлению более сложного и объемного понимания феноменологии российской общественной мысли. В немарксистских воззрениях исследователи стали обнаруживать плодотворные подходы в осмыслении процессов общественного развития. В этом контексте уместно назвать работы А.В. Аникина, Н.А. Ерофеева, Н.М. Пирумовой, О.К. Цапиевой и ряда других ученых, настигнутых, по их же словам, проблемой «Россия и Запад» как одной из «проклятейших» в отечественной истории и пытавшихся постичь ее суть, исследуя социально-экономические концепции, сложившиеся в России в XIX–начале XX в. [1, с. 6].

На современном историографическом этапе, становление которого было связано с системной трансформацией нашего общества в начале 90-х гг. XX в. и характеризовалось освоением новой методологической культуры, чрезвычайно актуализировалась проблема истории рыночных отношений в контексте их духовной составляющей. В итоге в центре исследовательского внимания оказались не только организаторы и участники производственно-коммерческих предприятий, но и те, кто образовывал социальную среду хозяйственного генезиса – от представителей широкой публики до узких кругов научной общественности. Признание необходимости такого научного поиска отчетливо проявилось в лекционном курсе «Хозяин России: опыт предпринимательства», опубликованного в течение 1994 г. на страницах газеты «Бывшее» (ежемесячное приложение к газете «Деловой мир») [6, с. 8]. Его авторы – Г.Р. Наумова, С.А. Ермишина, М.Ю. Лачаева, А.В. Никонов и др. – писали о назревшей потребности в изучении трудов русских философов, экономистов, социологов, ставших отражением опыта осмысления национальной культурно-производственной традиции. Они выражали убежденность, что без постижения этого идейного наследия эффективной программы социально-экономических преобра-

зований сегодня не выработать. Исследователи показали, что в настоящее время важно не только описать, как современники дореволюционной России характеризовали уровень ее экономического развития, но и прояснить даваемую ими оценку эффективности и перспектив разворачивающейся на их глазах хозяйственной трансформации.

В настоящее время разработка этих вопросов в основном осуществляется в процессе изучения двух проблемных пластов. С одной стороны, исследования отдельных направлений российского общественного движения и общественной мысли, а с другой – отношения отечественных мыслителей к европейской экономической теории как идеологии свободной рыночной конкуренции и организации хозяйственной практики на капиталистических началах. Первую группу исследований составляют работы Б.П. Балуева, А.И. Володина, В.Я. Гросула, А.В. Елисеева, В. В. Зверева, Б.С. Итенберга, И.П. Смирнова, В.А. Твардовской, В.А. Туниманова. Вторую образуют труды Н.А. Макашевой, М.Т. Покидченко, Т.Н. Юдиной и ряда других исследователей, изучавших особенности восприятия в России вопросов экономической теории и сформировавшиеся на этой основе национальные учения о хозяйстве, в ряду которых теории И.Т. Посошкова, М.В. Ломоносова, Л.Н. Толстого, С.Н. Булгакова.

Существенная роль в познании отечественной традиции понимания хозяйственных реалий сегодня также принадлежит Академии философии хозяйства, действующей на базе Центра общественных наук (ЦОН) при МГУ им. М.В. Ломоносова, работающего под руководством Ю.М. Осипова [8]. Итоги исследовательской деятельности этого научного объединения публикуются на страницах периодического органа Центра общественных наук – альманаха «Философия хозяйства», а также отдельных изданий, посвященных идейному наследию крупных отечественных мыслителей, в частности, их вкладу в осмысление хозяйственной сферы деятельности. Коллективному осмыслению были подвергнуты воззрения И.Т. Посошкова, А.С. Пушкина, С.Н. Булгакова, Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского и ряда других мыслителей XIX–начала XX вв.

Научные изыскания, проведенные за последнее двадцатилетие, создали основу для комплексного анализа характера понимания российским обществом исследуемого периода феноменологии отечественной культурно-производственной традиции, осмысливаемой в сопоставлении с западноевропейскими принципами организации хозяйственной деятельности. На сегодняшний день, когда мировой кризис капиталистической системы или

«экономической цивилизации» не вызывает сомнений, а также все более очевидным становится провал реформирования отечественной производственно-коммерческой сферы «по букве» политэкономических трактатов западного образца, такого рода исследования становятся одной из насущных задач науки и практики. Есть все основания полагать, что социально-экономические конфликты современной России создают условия для нового видения аналогичных противоречий, имевших место в историческом прошлом, и позволяют исследователям занять понимающую позицию в изучении процесса их осмысления в XIX – начале XX вв.

Думается, сегодня настало время взвешенных оценок мировоззренческих исканий прошлого и завершения былых полемических боев в целях выработки эффективной программы социальной деятельности, которая соответствовала бы национальной традиции понимания фундаментальных основ организации общественных отношений, в частности, и в хозяйственной сфере.

Литература

1. Аникин А.В. Путь исканий. Социально-экономические идеи в России до марксизма. М.: Политиздат, 1990. 415 с.
2. Елисеев Г.З. Плутократия и ее основы // Народническая экономическая литература. Избранные произведения / под ред. Н.К. Каратаева. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1958. С. 125–160.
3. Из истории экономической мысли и народного хозяйства России / отв. ред. Н.К. Фигуровская. М.: Институт экономики РАН, 1993. Вып. 1. Ч. 1. 214 с.
4. Кареев Н.И. Экономический материализм и закономерность социальных явлений (По поводу ст. С. Н. Булгакова «О закономерности социальных явлений») // Вопросы философии и психологии. 1897. № 1 (36). С. 107–119.
5. Михайловский Н.К. Политическая экономия и общественная наука // Отечественные записки. 1879. № 10. С. 497–524.
6. Наумова Г.Р., Ермишина С.А., Лачаева М.Ю. Хозяин России: опыт предпринимательства. Лекция I: Экономическое сознание России // Былое. 1994. № 1. С. 8–9.
7. Одарченко К.Ф. Народное хозяйство с точки зрения нравственности и права // Русская беседа. 1881. № 3–4.
8. Осипов Ю.М. Очерки философии хозяйства. М.: Юрист, 2000. 365 с.
9. Соловьев В.С. Нравственные основы общества // Вестник Европы. 1894. № 12. С. 802–817.
10. Соловьев В.С. Тайна прогресса // Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1990. Т. 2. С. 556–558.

11. Соловьев В.С. Экономический вопрос с нравственной точки зрения // Вестник Европы. 1896. № 12. С. 536–569.

12. Струве П.Б. На разные темы. Наши утописты // Новое слово. 1897. № 6. С. 1–20.

13. Тихомиров Л.А. Земля и фабрика (К вопросу об экономической политике). М.: Университетская типография, 1899. 47 с.

Н. И. Сезева

г. Тюмень

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ ТЮМЕНСКОГО КОВРОВОГО ПРОМЫСЛА

В настоящее время разработана государственная программа, направленная на защиту и поддержку художественных промыслов России – важнейшей части нашего культурного наследия. Цель данной программы – «сохранение, развитие и популяризации многовековых традиций народного творчества, способствующих духовно-нравственному возрождению России». Сознавая недопустимость утраты народных художественных промыслов, президент и правительство, федеральные и региональные органы законодательной и исполнительной власти в чрезвычайно трудных экономических условиях изыскивают ресурсы для государственной и региональной поддержки традиционных народных промыслов, а также самих носителей этих традиций – народных мастеров.

На протяжении нескольких столетий на территории Тюменской области развивались и процветали традиционные народные ремесла и промыслы, среди которых наиболее ярким и продолжающим бытовать до настоящего времени является тюменский ковер – уникальный сибирский народный промысел. Он имеет богатую историю и многовековые традиции.

Искусство тюменского ручного ковроткачества получило широкое распространение во всех уездах и волостях Тобольской губернии начиная с XVIII столетия. Во второй половине XIX века тюменский ковровый промысел переживает период своего наивысшего расцвета. Он становится местной достопримечательностью и гордостью края. Тюменские махровые ковры с густым высоким ворсом и ярким цветочным орнаментом на черном фоне с триумфальным успехом демонстрировались на всех самых крупных всероссийских и международных кустарно-промышленных выставках: в Москве (1882), Нижнем Новгороде (1896), Петербурге (1902; 1913), Париже (1900), Генуе (1913).